

Игорь Степанович Улуханов: О языке Древней Руси, Издательство „Наука“, Москва 1972, 135 стр.

Советский русист Игорь Степанович Улуханов исследует в своей работе языковую ситуацию на Руси с 11 по 17 век. У. — специалист по словообразованию и исторической грамматике, занимаясь прежде всего диахронической морфематикой и развитием языка. Рецензируемой книге предшествовал ряд работ, например, „Принципы семантического преобразования славянизмов“ (на материале глаголов с приставкой *пре-*, Изв. АН СССР 25, 1966, с. 87 сл.), „О принципах описания значений словообразовательных мотивированных слов“ (там же 29, 1970, с. 14—22), „Словообразовательная мотивация и его виды“ (там же 30, 1971, с. 37—46).

Рецензируемая книга — это популярно-научная работа, предназначенная для всех, кто изучает историю русского языка. Автор рассматривает в ней вопрос формирования и развития основных разновидностей письменного и устного языка Древней Руси. Он не вполне разделяет одинаковый взгляд В. В. Виноградова насчет происхождения древнерусского литературного языка. Как известно, акад. Виноградов говорит в своей работе „Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка“ (Москва 1958) о двух типах языка: книжно-славянском и народно-литературном. У., наоборот, подчеркивает сосуществование двух самостоятельных литературных языков, т. е. церковнославянского и древнерусского, и их взаимное влияние. Здесь он обращает внимание прежде всего на лексику, фразеологию, словообразование и на литературно-стилистические аспекты письменных памятников.

Книга состоит из трех глав.

Во „Введении“ (с. 5—21) У. напоминает, что его замыслом является краткое описание важнейших процессов развития языка, на котором говорили и писали на Руси в средневековый период (т. е. с 11 по 17 век). Затем он объясняет вопрос формирования разновидностей языка Древней Руси. С 7—8 вв. начинает существовать восточнославянский язык, выделившийся из праславянского языка. Важнейшим культурным событием было появление письменности. По мнению автора существовали какие-то элементы письма у славян и ранее. Однако никаких следов этого письма не найдено. Потом У. говорит о распространении и роли старославянского языка на Руси, объясняет авторство двух древнейших славянских азбук (глаголицы и кириллицы) и их дальнейшие судьбы, которые, как известно, не были одинаковы. Затем У. истолковывает термин „церковнославянский язык“. Читатель знакомится в конце введения с содержанием отдельных глав книги и с существенными различиями между древнерусским и старославянским языками.

В первой главе „Церковнославянский язык русской редакции“ (с. 22—52) говорится о возникновении и дальнейшей истории церковнославянского языка русской редакции. Он возник, как известно, из старославянского языка, в который проникали элементы живой русской речи. У. объясняет, что одной из причин, способствовавших проникновению русизмов, было несоответствие ряда старославянских элементов нормам живого русского произношения (раздел „Старославянский язык и навыки живой речи“, с. 24—27). Кроме того У. предполагает, что имелся еще ряд иных причин, воздействия которых могли взаимно дополняться и пересекаться (прежде всего жанровая обусловленность, предметная сторона текстов и их частей и др.). Количество русских элементов в памятниках церковнославянского языка колебалось также и в зависимости от места создания памятников, индивидуальных склонностей их авторов; некоторые случаи употребления чисто русских слов, однако, У. объясняет только невнимательностью автора и переписчика (раздел „Почему русские слова попадали в церковнославянский язык?“, с. 27—35). Русификацию церковнославянского языка У. считает лишь одной из тенденций развития его русской редакции. Другой же тенденцией по мнению У. является обогащение и изменение его на базе собственных ресурсов (т. е. возникновение новых слов и фразеологических сочетаний, изменение грамматического строя, изменение произношения). Очень важным явлением в развитии церковнославянского языка У. считает период второго южнославянского влияния, когда произошли в этом языке особенно серьезные изменения. В разделе „Словотворчество“ (с. 36—41) читатель имеет возможность узнать способы образования новых слов и ознакомиться с главнейшими сдвигами, проходившими в области грамматики. В конце главы У. рассматривает стилистические признаки произведений, написанных на Руси по-церковнославянски, определяя сферу употребления церковнославянского языка.

Во второй главе „*Древнерусский язык*“ (с. 53—106) описывается история собственного древнерусского языка ко времени выделения его из общеславянского единства в 7—8 вв. по началу выработывания нормы единого национального языка в 18 в. В первой части („*Устная речь Древней Руси*“, с. 53—75) читатель знакомится сначала с сохранившимися в письменных памятниках записками устной речи Древней Руси и с важнейшими изменениями, которые претерпела устная речь в средневековый период. Затем рассмотрен письменный древнерусский язык (раздел „*Древнерусский язык в письменности*“, с. 76—106). Он отличался от церковнославянского обилием слов и форм, свойственных живой русской речи. Интересны те места, где автор показывает, как церковнославянский язык влиял на устную речь того времени. Поэтому в этой главе, собственно, рассматривается взаимодействие обоих языков. Читая вторую главу, можно ознакомиться также и с причиной образования трех восточнославянских языков и с серьезными изменениями, сопровождавшими формирование языка великорусской народности. Большое внимание уделяет У. использованию художественных средств в сочинениях, написанных на древнерусском языке. В последней части второй главы („*Деловой язык Древней Руси*“, с. 96—106) дана характеристика делового языка. Деловые документы возникли на Руси вскоре после появления письменности и существовали до 18 века, когда в деловых документах начинали появляться и некоторые выразительные художественные средства.

В третьей главе „*Славянизмы в русском языке*“ (с. 107—126) рассмотрена судьба славянизмов в русском языке. Старославянский язык был языком родственным живому русскому языку, на котором говорили члены древнерусской народности. Оба языка имели очень много общих слов. Правила склонения, спряжения, сочетания слов в предложении в значительной своей части также совпадали. Чтобы стала ясной разница, автор перечисляет почти все звуковые и грамматические взаиморазличия (напр. *страна — сторона, власть — волясть, чуждый — чужой, мочь — мочь, равный — ровный; из земли — из земли, добруему — доброму, действ. прич. наст. вр.: несы — неса, 3-ье лицо ед. ч. наст. вр.: несетъ — несеть...*). Кроме того существовали и различия в лексике (напр. *истина — правда*), в синтаксисе (старославянскому языку свойственны более сложные правила построения предложений) и в составе префиксов и суффиксов (напр. *избрать — vybratъ, пресечь — пересечь, сидящий — сидячий, лежащий — лежачий*).

О том, что судьба славянизмов не одинакова, говорится в первом разделе, названном „*Чем определялась судьба славянизмов в русском языке?*“ (с. 107—112). У. различает: 1. Славянизмы, которые „вросли“ в древнерусский язык уже с древнейших времен (напр. *браниться*). 2. Славянизмы, закрепившиеся в русском языке, несмотря на то, что в живой речи были русские слова, имевшие то же самое значение (напр. славянизм *благо* очень рано вытеснил из употребления русское слово *болого*). 3. Славянизмы греческого происхождения (прежде всего слова, связанные с христианской религией). 4. Славянизмы, которые когда-то вошли в древнерусский язык, однако позже вышли из употребления (напр. *влато — золото, влас — волос*). 5. Славянизмы, сохранившиеся лишь в составе т. наз. устойчивых выражений (напр. *камень преткновеня*). Во второй части третьей главы, озаглавленной „*Как славянизмы изменяют свое значение?*“ (с. 113—126) автор приводит конкретные примеры, когда менялись значения славянизмов, т. е. такие случаи, когда слово церковнославянского происхождения, попавшее в русский язык, получило новое значение (напр. слово *разлагольствовати* означало первоначально „много говорить“, однако за пределами церковнославянского языка этот глагол стал иронически употребляться в значении „говорить много, бессодержательно и высокопарно“).

В книге рассматриваются важнейшие вехи языковой ситуации на Руси, показано, как взаимодействовали книжные и народно-разговорные элементы языка, как менялось значение слов, как одни грамматические формы сменялись другими. Явления языка трактуются в тесной связи с такими социально-культурными событиями, как формирование древнерусского государства, появление письменности, развитие связей со славянским югом, Византией, Западной Европой. Многочисленные отрывки из памятников, приводимые в книге, подобраны таким образом, чтобы читатель смог реально представить себе язык по жанру письменных памятников и устную разговорную речь. В произведении нужно оценить логичное и наглядное изложение материала, пояснение каждого факта подходящими примерами, местами даже широкими контекстами. Для иллюстрации использованы фотокопии древних памятников. Положительной стороной является филологическая эрудиция автора, его знание древнегреческого языка.

Местами проливается новый свет на проблематику взаимодействия церковнославянского и собственно древнерусского языков, на основании статистических подсчетов и данных. У. конкретизирует динамику цсл. типа языка, приводя кое-где новые материалы, новые соображения. Так как пособие будет предназначено прежде всего для студентов, изучающих историю русского языка, было бы, пожалуй, желательнее отметить во введении общий профиль периодизации истории русского языка, чтобы студент, начиная читать первые страницы, имел уже в самом начале ясное представление о трех важнейших этапах в развитии русского языка. В работе есть некоторые спорные хронологические указания, напр., период *второго южнославянского влияния* приурочивается автором к концу 14 и к началу 15 вв., (см. с. 35), хотя этот процесс на самом деле проходил несколько позднее. Вообще термин „средневековье“ и „древнерусский язык“ понимаются автором в значительно широком объеме, без надлежащей доли внутренней хронологической стратификации (10—17 век). В книге, правда, упомянуто возникновение старославянского языка и письма (см. с. 8—11), однако самой миссии Константина и Мефодия в Великую Моравию автор коснулся только вскользь словами „совершили поездку в Моравию“ (см. с. 11).

В „Заключении“ (с. 127—130) У. подводит итоги самым важным наблюдениям, касающимся сосуществования двух языков, и обобщает сферу их функциональной дистрибуции. В конце приведен обзор научной литературы, на которую автор опирался.

В общем данная проблематика обработана инструктивно. Работу можно считать одним из результатов, которых было достигнуто в Советском Союзе за последнее время в исследовании проблематики истории русского языка. Сочинение может послужить кратким справочником для студентов-русистов, преподавателей и вообще для всех, кто интересуется диакронией русского языка.

Алеш Бранднер

The Linguistic Turn — Recent essays in philosophical method. The university of Chicago press, Chicago and London, 1967, 397 pp.

Les essais, articles et discussions de la grande anthologie de Rorty, tout en étant destinés en premier lieu aux philosophes, peuvent susciter aussi l'intérêt des philologues qui s'occupent des problèmes théoriques de la linguistique et particulièrement de la sémantique. En effet, cette anthologie est consacrée aux problèmes de la philosophie linguistique qui, bien qu'elle poursuive des buts bien différents de ceux de la linguistique pure, prend pour point de départ l'analyse des systèmes de langue (soit naturels, soit artificiels) et étudie, de son point de vue naturellement, les différents termes de la théorie du langage, comme par exemple le concept, la signification, la référence, les formes grammaticale et logique du langage, etc. Cela constitue une excellente occasion pour le linguiste de confronter les conceptions philosophique et linguistique des termes en question et d'entrevoir le caractère spécifique de deux manières différentes d'envisager le langage.

L'essai d'introduction de Richard Rorty tâche de relever les problèmes essentiels de la philosophie linguistique, de „la plus récente révolution en philosophie“. Tous les partisans de la philosophie linguistique sont convaincus que les problèmes de la philosophie peuvent être débattus et même résolus au niveau d'une soi-disant langue idéale, c'est-à-dire d'une langue dont la structure logique reflète d'une manière adéquate la structure des faits. En ce qui concerne le caractère d'une telle langue idéale, les avis des philosophies linguistiques sont bien partagés, car on n'a pas précisé jusqu'ici les critères de la correction d'une telle langue. C'est ainsi que deux mouvements plus ou moins opposés naissent au sein de la philosophie linguistique; d'un côté, c'est la philosophie d'une langue idéale dont les partisans affirment que les procédés d'expression des systèmes de langues naturelles ne sauraient répondre aux exigences auxquelles devrait satisfaire une langue idéale. C'est à la philosophie actuelle, disent-ils, de forger sa propre langue immanente capable de résoudre les problèmes de la philosophie linguistique. De l'autre côté, c'est la soi-disant philosophie du langage ordinaire qui est le mieux représentée par les philosophes des Universités d'Oxford et de Cambridge.

L'article de Grower Maxwell et de Herbert Feigl, intitulé „Pourquoi le langage ordinaire a besoin d'être réformé“, présente plusieurs arguments contre la philosophie du langage ordinaire. Les auteurs reconnaissent bien le caractère vague et ambigu des expressions du langage ordinaire, mais tiennent en même temps à souligner que ce caractère vague fait surgir beaucoup de problèmes philosophiques. Donc, une délimitation exacte des significations des mots constitue un devoir qui s'impose à la philosophie. Mais suivant quels critères le philosophe peut-il décider s'il donne une description authentique de ce qu'on appelle le langage ordinaire? Existe-t-il une limite entre la découverte de significations définies par la structure même du langage ordinaire et une réforme de